

Субъективные восприятия национальных интересов политическими лидерами как причина Крымской войны (1853 – 1856 гг.)

Багач Михаил, Белоусов Евгений, Саркисянц Артур
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В данной работе анализируются причины Крымской войны 1853 – 1856 гг. через призму объективных национальных интересов и субъективных мотиваций правителей и ведущих государственных деятелей. Данный вопрос будет рассматриваться на основе позиций главных сторон конфликта — Российской Империи и Королевства Великобритании.

Посредством анализа позиции императора Николая I в преддверии Крымской войны авторы приходят к выводу, что основным мотивом для вступления в конфликт послужили объективные и субъективные факторы в их совокупности. С одной стороны, основными целями России выступают обеспечение безопасности и стабильности в Средней Азии и обеспечение контроля над проливами Босфор и Дарданеллы с помощью дружественного режима в Османской империи. При этом достижению этих целей помешало ошибочное субъективное восприятие Николая международной конъюнктуры того времени — надежда на поддержку Австрии и Пруссии и неверное суждение об успехе переговоров с Абердином.

В XIX веке Великобритания становилась все в большей степени вовлеченной в ближневосточные дела в форме торговых связей с Османской империей и политической поддержкой власти султана. Защиту Турции можно объяснить намерением ограничить экспансию Российской империи — соперника в регионе, который находился на перекрестке торговых путей и служил связующим звеном с Индией. Однако восприятие Ближнего Востока как жизненно важного региона для Великобритании, прежде всего, обусловлено воззрениями Генри Джона Палмерстона — министра иностранных дел, а затем премьер-министра Великобритании, который использовал политическое влияние, чтобы отстаивать значимость сохранности «больного человека Европы». Распри внутри британского кабинета непосредственно перед началом войны, а также непонимание британскими политиками намерений Николая I также привели к выбору жесткой стратегии в отношении Российской империи и, как следствие, вступлению Великобритании в войну.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Крымская война; национальные интересы; субъективное восприятие; внешняя политика; Российская империя; Великобритания

Для связи с авторами: mbagach64@gmail.com, evgeniybelousov1917@gmail.com, artur.sarkisyants@gmail.com.

Subjective Perceptions of National Interests by the Political Leaders As a Cause of the Crimean War (1853-1856)

Mikhail Bagach, Evgeniy Belousov, Artur Sarkisyants
MGIMO

ABSTRACT

This paper analyses the causes of the Crimean War of 1853-1856 through the prism of objective national interests and subjective motivations of rulers and leading statesmen. The issue will be examined on the basis of the positions of the main parties to the conflict – the Russian Empire and the Kingdom of Great Britain.

By analyzing the position of Emperor Nicholas I on the eve of the Crimean War, the authors come to the conclusion that the main motives for entering the conflict were objective and subjective factors in their combination. On the one hand, Russia's main objectives were to ensure security and stability in Central Asia and to secure control of the Bosphorus and Dardanelles straits through a friendly regime in the Ottoman Empire. However, the achievement of these aims was hampered by Nicholas's erroneous subjective perception of the international conjuncture of the time – the hope for Austrian and Prussian support and the misjudgment of the success of the negotiations

with Aberdeen.

In the nineteenth century Britain became increasingly involved in Middle Eastern affairs in the form of trade links with the Ottoman Empire and political support for the Sultan's rule. The defence of Turkey can be explained by the intention to limit the expansion of the Russian Empire, a rival in the region, which was at the crossroads of trade routes and served as a link to India. However, the perception of the Middle East as a vital region for Britain is primarily due to the views of Henry John Palmerston - Foreign Secretary and then British Prime Minister - who used political influence to argue for the importance of keeping the 'sick man of Europe' safe. Disagreements within the British cabinet just before the outbreak of war, as well as misunderstandings among British politicians about the intentions of Nicholas I, also led to the choice of a hardline strategy towards the Russian Empire and, as a consequence, Britain's entry into the war.

KEYWORDS

Crimean War; national interests; subjective perception; foreign policy; Russian empire; Great Britain

Contact the authors via mbagach64@gmail.com , evgeniybelousov1917@gmail.com , artur.sarkisyants@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

Крымская война — это война, которая вопреки названию, приобрела глобальный масштаб: боевые действия разной степени интенсивности проходили на Балтике, в Северном море, на Тихом океане. Самим боевым действиям предшествовала активная дипломатическая деятельность, исходящая из национальных интересов и их восприятия политическими лидерами.

В данной работе авторы попытаются проанализировать через призму национальных интересов и субъективных представлений политических деятелей причины войны, в которой столкнулись Великобритания, Франция и Турция с одной стороны, и Россия — с другой.

Выбранная тема представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, Крымская война представляет собой пример эскалации частных противоречий в общеевропейский конфликт, который тем не менее сохранял характеристики ограниченной войны. Во-вторых, у России, как и в те времена, нет надежного союзника, чьи стратегические возможности помогли бы нашей стране преодолеть дипломатическую изоляцию и назревавший кризис.

Целью работы является определение того, была ли Крымская война спровоцирована столкновением объективных национальных интересов воюющих. Статья призвана продемонстрировать, что Крымская война была спровоцирована столкновением прежде всего субъективной

мотивацией российского императора Николая I и членов британского правительства, хотя их решения базировались на стремлении отстоять национальные интересы своих стран.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- определить, что такое “субъективные национальные интересы”;
- дать определение термину “субъективная мотивация”;
- проанализировать кейс Российской империи;
- рассмотреть кейс Великобритании.

Объектом исследования является Крымская война как исторический феномен. Предметом исследования являются причины Крымской войны, рассмотренные через призму национальных целей и их субъективного восприятия национальными лидерами.

В ходе работы мы будем опираться на обширную российскую и британскую историографию по выбранной теме. Со стороны России здесь стоит выделить монографии А.М. Зайончковского, Е.В. Тарле, О.Р. Айрапетова, Н. И. Кареева, а со стороны Великобритании — Кингсли Мартина и Роберта Уильяма Сетон-Уотсона. Помимо историографии в работе будут использованы статьи по Крымской войне, опубликованные в научных журналах. Поскольку мы используем метод абстрагирования, научные статьи помогут нам осветить те пункты, которые мы обозначали в целях и задачах нашего исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ИНСТРУМЕНТАРИЙ

В данной статье избран в некоторой степени нестандартный подход к осмыслению Крымской войны и дипломатической обстановки до нее. С одной стороны, логическим заключением было бы, что словосочетания «объективные национальные интересы» и «субъективные восприятия национальных интересов» — вполне базовые в контексте исторического исследования термины. С другой стороны, другим логическим заключением было бы следующее: в рамках изучаемого периода эти словосочетания — две стороны одной монеты, то есть две неотъемлемые составляющие целого.

Оба заключения не являются бесосновательными. Начнем со второго. Речь идет о середине XIX в., волны революций все еще играют в Европе, а основы и заветы Европейского концерта все больше теряют свою былую весомость^[1]. Тем не менее абсолютная монархия остается самым распространенным государственным строем. Одним из ключевых аспектов этого строя является единение воли монарха с национальными интересами государства — помазанник божий сам и определяет эти интересы. «L'État — c'est moi», заявляет в Парижском парламенте Людовик XIV на второй год своего

правления, сливая короля и государство воедино^[2]. Этот принцип в той или иной степени сохранял актуальность и олицетворял правление королей, царей и императоров вплоть до начала XX века. Он означает, что воля монарха и есть основной национальный интерес государства. Субъективный подход к правлению предопределяет объективные национальные интересы.

Таким образом, разработка теоретического инструментария для исследования Крымской войны и событий, ей предшествовавших, фокусируется преимущественно на двух терминах — «объективные национальные интересы» и «субъективные восприятия».

Объективные национальные интересы — интересы страны, исходящие из объективных законов в международных отношениях. Объективные законы (по версии реалистов) в международных отношениях неоспоримы, их нельзя поставить под сомнение, предложить им альтернативу. Так как эти законы объективны, ими руководствуются чтобы обеспечить безопасность своего государства, его существование и целостность. В основе объективных законов международных отношений лежит стремление всех государств к власти, к превосходству над другими^[3]. Это *raison d'État* — цель существования государства, термин, введенный Ришелье^[4], представляющий государ-

[1] Тарле Е.В. Крымская война / Е. В. Тарле. — Акад. наук СССР. - 2-е изд., испр. и доп. — М.: Ленинград М., 1950. — URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>

[2] Душенко К.В. Государство — это я / К. В. Душенко // Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов: Сб. статей. — М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. — С. 135 — 139.

[3] Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. Peking University Press, 2005. — pp. 5-6.

[4] Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — С. 50-52.

ство как единицу с живым стремлением добиться превосходства. Объективными эти интересы называются, в частности, потому что они являются закономерными в течение всей истории начиная с древних времен – даже ловушка Фукидида, называемая еще дилеммой безопасности, отражает реальную ситуацию и исход Крымской войны.

Стороны конфликта 1853 – 1856 гг. действовали исходя из исторической закономерности и объективных государственных нужд. Николай I старался обезопасить Российскую Империю посредством контроля Босфора и Дарданелл, британский истеблишмент видел в заявлениях Николая I о «больном человеке» тревожные сигналы о российских гегемонистских планах, и никакой многолетний раздор Великобритании и Франции не мог помешать формированию всеобщего европейского союза против жандарма всей Европы. Это вызвано, прежде всего, одной из ключевых целей британского истеблишмента – не допустить появления в Европе одной супердержавы. Это инстинктивное стремление государств к борьбе за жизнь, к постоянному переосмыслению статуса-кво в свою пользу, и является объективной исторической закономерностью.

С другой стороны, государь не обладает божественным провидением – он не может в полной мере оценить, какое именно решение должно

привести к осуществлению ключевых национальных интересов. Это заставляет его принимать решения, которые он считает необходимыми для безопасности и благосостояния страны. Решения, исходящие из личного восприятия правителем реалий на международной арене, являются субъективными. Данный аспект усложняется тем, что историк Н.И.Кареев назвал «психологией абсолютизма», то есть намеренным объединением интересов нации с интересами власти, интересами династии.^[5]

Хоть объективность и подразумевает аксиоматичность, но сами решения принимаются в конечном счете людьми, которые поддаются сомнениям, влиянию своего окружения, учитывают волю политических группировок и фракций. Финальное внешнеполитическое решение политического лидера в конечном счете упирается в его способность прочувствовать международную обстановку, а также сбалансировать совокупную волю всех сторон в политическом истеблишменте государства.

На пути принятия решения действовать тем или иным образом у государя есть ряд препятствий, связанных с восприятием ситуации. Именно эти препятствия в деталях исследованы в теории рационального актора, в организационной теории^[6], в бюрократической теории^[7] – это факторы, исходя из которых государь принимает хоть и рациональное

[5] Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» // Н.И. Кареев. – Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1908. – С. 97.

[6] Allison Graham T. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. – Little, Brown and Company, Boston., 1971 – p. 67.

[7] Ibid – p. 144.

решение, но рациональное лишь в субъективном понимании самого государя. Именно теории среднего уровня во многих случаях позволили открыть завесу тайны над мотивациями, стоящими за теми или иными выборами правителей. Так, в частности, исходя из ошибочного восприятия Николаем I верности Австрии и Пруссии и приверженности Великобритании Меморандуму Нессельроде, монарх считал, что большая часть Европы стоит за ним и разделяет его убеждения о «больном человеке», или во всяком случае не имеет никакого выбора кроме как присоединиться к Российской Империи в ее целях. В конечном итоге это оказалось лишь не более чем когнитивной несогласованностью^[8]. Казавшаяся на тот момент невозможность союза Англии и Франции, немыслимая для Николая после уверений Абердина в «боязни» французской атаки, или колоссальный дипломатический просчет с отказом причислять Наполеона III в число «своих братьев», т.е. государей с божьим правом на правление — все это в итоге привело к дипломатической катастрофе перед началом Крымской войны, и является результатом непосредственно субъективного восприятия реального положения вещей на международной арене^[9].

Одним из ключевых принципов в рамках данного суждения является суждение о том, что государство — это

организм, где люди и организации на разных его уровнях исполняют те или иные функции^[10]. Теория рационального актора не отражает тот факт, что при принятии решений государь считается с мнениями своего окружения перед тем, как принять то или иное решение. Ведь у каждой стороны этого окружения есть свое собственное восприятие ситуации — это приводит к игре в перетягивание каната в рамках политического истеблишмента между сторонниками того или иного пути^[11].

Не случайно в данной работе основной упор в исследовании столкновения национальных интересов, как субъективных, так и объективных, делается на стороны совершенно противоположные по своей сущности — Российскую и Британскую Империи. С одной стороны, российский император Николай I — абсолютный монарх, чьи решения беспрекословно исполняются и который может лишь прислушиваться к мнению своих подчиненных. Если добавить к этому некоторое подобострастие советников, которое формировалось самим императором, что отражается его известной цитатой «мне нужны не умники, а верноподданные»^[12], то можно заметить, насколько сильно принятие решение зависело от восприятия Николаем I текущих событий. С другой стороны, Великобритания и её парламент, где решения принимаются

[8] Bougher L.D. Cognitive coherence in politics: unifying metaphor and narrative in civic cognition / L.D. Bougher // *Warring with Words: Narrative and Metaphor in Politics*. – Psychology Press, 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/244520319_Cognitive_coherence_in_politics_Unifying_metaphor_and_narrative_in_civic_cognition

[9] Тарле Е.В. Крымская война / Е. В. Тарле. – Акад. наук СССР. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Ленинград М., 1950. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>

[10] Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: Мысль, 2001. – С. 8.

[11] Allison G.T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. – Little, Brown and Company, Boston, 1971. – 277 p.

[12] Тарле Е.В. Крымская война. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>

на основе консенсуса наиболее влиятельных политиков. Едва ли возможно представить себе, чтобы один человек мог напрямую диктовать условия другим. Однако дихотомия откровенной русофобии Палмерстона и сговорчивости и двуликости Абердина^[13] наглядно демонстрирует, что и в коллегиальном органе собственные интересы акторов могут оказать влияние на принятие ключевых политических решений. Эта противоположность сторон отлично отражает бюрократический и организационный аспекты политических процессов — то есть множественность интересов различных составных частей государства и ключевых лиц во власти или её отсутствие.

Не случайно в данной работе основной упор в исследовании столкновения национальных интересов, как субъективных, так и объективных, делается на стороны совершенно противоположные по своей сущности — Российскую и Британскую Империи. Это позволяет максимально точно показать все весомость того изначально дипломатического и экономического, а потом и военного столкновения в середине XIX века. Дихотомия откровенной русофобии Палмерстона и сговорчивости и двуликости Абердина^[14], а также британский парламентаризм того времени наглядно демонстрирует это перетягивание каната. С другой стороны — абсолютизм Николая I, некоторое подобострастие

его подчиненных, выражение Николая о том, что ему нужны «не умники, а верноподданные». Эта противоположность сторон, однако, отражает лишь бюрократический и организационный аспекты — то есть множественность интересов различных составных частей государства и ключевых лиц во власти или её отсутствие.

АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ПОВЕДЕНИЯ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

В этой части мы рассмотрим объективные и субъективные причины Крымской войны 1853 – 1856 гг. с перспективы национальных интересов России и субъективных представлений российской элиты, принимавшей ключевые решение по вопросам международных отношений.

В XIX веке Османская империя пришла в упадок. Турцию именовали «больным человеком Европы» и ожидали ее распада. Однако Николай I не желал полной ликвидации Оттоманской империи как политического образования, зато слабая Турция, зависящая от Петербурга, могла бы обеспечить мечту российских императоров — контроль над Черноморскими проливами^[15]. Такой расклад, с одной стороны, обеспечивал сохранение прежнего количества

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 / А.М. Зайончковский. – Адъютант!, 2002. – URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>

акторов на международной арене, однако изменял баланс сил. Николай I не имел существенных территориальных претензий к Османской империи, но был готов выстроить вертикаль отношений, в которой османы находились в подчиненном положении. Чтобы выстроить такую вертикаль, необходимо было продемонстрировать, что Россия готова вмешиваться в дела Турции с целью удержать страну от распада.

Против центральной власти в Османской империи активно выступал Египетский паша Мехмед-Али, которому удалось провести в своей «вотчине» ряд важных образований в военной и экономической сферах. Амбиции паши не знали границ, шаг за шагом он добивался своих целей и распространял свое личное влияние в Африке, бросая вызов Турции. Также он потребовал от султана Сирию, и силой занял ее в 1831 году^[16]. Успехи египетского паши привели султана в ужас, чем воспользовались Лондон и Париж, которые стремились ограничить влияние России в Турции. В свою очередь, Петербург тоже стоял перед двумя вариантами действий: оказать помощь Турции, чтобы не допустить управления османами со стороны европейцев; вмешаться вместе с другими европейскими державами, не обостряя отношения с последними^[17]. В итоге, было принято решение начать прямую интервенцию в дела Турции, чтобы заставить египетского пашу остановиться, и чтобы не допустить аналогичного решения «Восточного вопроса»

со стороны держав-конкурентов.

Таким образом, Николай I «загонял» Турцию в большую зависимость от России, поскольку создавалась иллюзия, что даже решение внутренних вопросов Турции немыслимо без посредничества Российской империи. В 1833 году был заключен Ункяр-Искелесийский договор, который фактически закрепил эту зависимость от России: Турция могла запрашивать военные силы у Российской империи, если того потребуют обстоятельства, а Россия «обязывалась» их предоставлять^[18]. Не обошлось и без типичного для дипломатии XIX века элемента — секретной статьи, которая подразумевала закрытие проливов для военных судов иностранных держав в пользу России в обмен на помощь с ее стороны^[19]. Таким образом, временный контроль над проливами был обеспечен «чужими руками». Это был, без сомнений, успех российской дипломатии, поскольку решался вопрос национальной безопасности в Черноморском регионе.

Однако такой демарш России вызвал жесткую реакцию со стороны Франции и Англии — последняя даже попыталась развязать войну, однако ей не удалось найти надежных союзников. Австрия и Пруссия встретили заключение договора либо нейтрально, либо сочувственно. Неудивительно, поскольку эти две страны Центральной Европы являлись членами (наряду с Российской империей) Священного союза. Более того, между представителями стран

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

поддерживались постоянны контакты. В частности, между Россией и Австрией проводились консультации, итогами которых можно считать договоренности (Мюнхенгретцкая конвенция 1833 года) относительно Османской империи, согласно которым Россия и Австрия фактически подтверждали действие Ункяр-Искелесийский договора, а также установили, что в случае ликвидации Турции как единого политического образования будет создан новый порядок в регионе^[20]. В частности, не должно быть образовано государство, представляющее угрозу для России или для Австрии.

Борьба за влияние в Турции, планомерно проигрывалась Россией, которая не могла избежать следующей закономерности: в мирное время Турция не обращалась к услугам России, а в состоянии войны Турция была не всегда. Более того, англичане использовали любые предлоги для замены пророссийских государственных деятелей в Турции на пробританских, что также снижало наше влияние в Ближневосточной Порте. Например, в 1837 году у руля власти оказался «западник» Решид-паша^[21]. Сюда стоит добавить тот факт, что новоиспеченные деятели были нацелены на реформы, которые могли укрепить Турцию и ее могущество. В 1839 году новым султаном стал Абдул-Меджид, который находился под влиянием Великобритании^[22]. Таким образом, влияние России сошло на нет.

Помимо Черноморского региона для России важно было обеспечить безопасность на Кавказе и в Средней Азии. В этих регионах наблюдалось прямое столкновение интересов России и Великобритании. Если рассматривать Кавказ, то здесь Великобритания оказывала поддержку горцам, воевавшим против России: английские корабли напрямую, либо с помощью Турции контрабандой поставляли повстанцам соль, порох, оружие. Доходило до провокаций, целью которых являлось начало войны. Например, в 1836 году произошел инцидент с британской шхуной «Виксен», которая была перехвачена русскими как раз в момент разгрузки. Отправкой шхуны занимался секретарь британского посольства в Константинополе Дэвид Уркварт. К счастью, провокация не удалась, Россия не была втянута в войну, поскольку Великобритания вновь не смогла найти себе надежного союзника — в этот момент ее отношения с Францией были испорчены из-за противоречий в Северной Африке, Турции, Испании^[23]. Однако на примере поддержки горцев Кавказа мы видим, что для Англии было критически важно подорвать влияние России^[24].

Напряжение между Россией и Великобританией наблюдалось в Персии, Афганистане и Средней Азии. Если на Кавказе можно было предположить, что Британия пытается отвлечь Россию от Турции и ослабить

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914) // М.: Издательство «Европа», 2006. – С. 151.

[24] Медведева О.Э. Причины создания антироссийской коалиции в Крымской войне (1853 - 1856 гг.) в современной историографии // Вестник науки и образования. – 2017. – №12 (36). – С. 35-37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny->

ее с помощью горцев, то в этом регионе британцы защищали уже свои колониальные интересы. Без колоний могущество англичан было немыслимо. Проблема заключалась в том, что Россия пыталась укрепить свое влияние в Средней и Центральной Азии, а Великобритания расценивала это как покушение на Индию.

Для России было важно, чтобы у ее границ на юге существовало пророссийское государство, которое бы не создавало проблем, и которое бы сопротивлялось влиянию Британии. Однако любая минимальная военно-политическая активность русских пугала Лондон. Например, когда созданная при поддержке Российской империи коалиция из Персии, Афганистана и Кандагара осадила г. Герат, британцы собрали войска в Британской Индии, а российскому МИД была направлена нота^[25]. Вскоре Великобритания развязала войну в Афганистане, который подчинился ее влиянию.

Демарш Британии не заставил долго ждать ответного хода от Петербурга, который предпринял поход против Хивы, чтобы: а) продемонстрировать силу; б) ликвидировать угрозу грабительских, бандитских набегов на русских торговцев, мирных граждан и караваны, которые заканчивались угоном выживших в рабство и экономическим ущербом для империи. Несмотря на то, что поход оказался

неудачным из-за погодных условий и эпидемий, англичане стали оказывать давление на Хиву, чтобы решить причину недовольства Петербурга: русские рабы были отпущены на свободу, а работорговля была запрещена под страхом смерти^[26]. Естественно, такая реакция была связана не с переживанием о русских людях: англичане опасались, что следующая экспедиция окажется удачной — это, несомненно, усилит позиции России в Средней Азии, что было недопустимо. Однако эта «большая игра» России и Великобритании не приводила к серьезному и неразрешимому ухудшению в отношениях между ними.

Что касается субъективных представлений Николая I и российской элиты, то тут сразу же хочется отметить, что для лидера огромной страны, где власть монарха ничем не ограничена, личные взгляды и решения Николая I, возлагали на него немало ответственности за все промахи и неудачи. Целью Российского императора на внешнеполитическом поприще было стремление «сделать Россию сильной, самостоятельной и добродеющей»^[27].

Император был человеком консервативным и религиозным. В связи с этим он питал намного больше симпатий к Пруссии и Австрии, которые для своего времени тоже были весьма консервативными режимами. В то же время союзники России нередко

sozdaniya-antirossiyskoy-koalitsii-v-krymskoy-voyne-1853-1856-gg-v-sovremennoy-istoriografii

[25] Васильев Д.В., Васильев С.Д. Британо-российское противостояние на Среднем Востоке как реакция на попытку геостратегического укрепления России в регионе в 1830-х гг. / Д.В. Васильев, С.В. Васильев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – №3. – С. 149.

[26] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914) // М.: Издательство «Европа», 2006. – С. 160.

[27] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

думали, что находятся в подчиненном положении по отношению к Российской империи, которая якобы использует их для достижения собственных политических целей. В итоге, со временем Австрия стала косвенно поддерживать внешнеполитический курс Англии, однако Николай I был убежден в поддержке Австрией России, учитывая, что не так давно в 1848 году он помог Францу-Иосифу подавить венгерское восстание.

Вместе с тем, Николай I считал, что с Великобританией можно иметь дело, например, возродить Шомонский союз 1814 года^[28], который позволил бы объединить все консервативные государства Европы. Таким образом, можно было избежать большого европейского конфликта. Стоит отметить, что на отношение Николая I к Англии повлияла деятельность лорда Дюргема — посла Британии в Петербурге, который отличался своими теплыми чувствами в отношении России^[29]. У Николая I возникла иллюзия, что союз Англии и Франции, который представлялся весьма опасным, можно было разрушить, играя на противоречиях между странами, однако активных действий против Британии не последовало. Напротив, император прислушивался к мнению министра иностранных дел К. В. Нессельроде и посла в Великобритании Ф. И. Брунова, которые ратовали за не-

которые уступки в отношении Англии. Например, в 1840 истек срок действия Ункяр-Искелесийского договора, была заключена Лондонская конвенция, согласно которой Россия потеряла свои преимущества и в контроле над проливами «руками» Турции, и свой «исключительный протекторат»^[30]. Несмотря на очевидное дипломатическое поражение, министр иностранных дел К. В. Нессельроде заверял Николая I, что Россия ничего не потеряла, а Ф. И. Брунов поддерживал ложную иллюзию, что англичане ничего не имеют против России. Более того, накануне войны К. В. Нессельроде считал, что Великобритания сможет подействовать России в урегулировании кризисных ситуаций^[31]. Таким образом, из-за восприятия главного потенциального врага как относительно дружественной державы в дальнейшем Россия действовала без оглядки на этот важнейший фактор, что стало одной из причин начала Крымской войны.

Религиозность Николая I проявилась в споре о святых местах, который, был очень важен для российского императора. С одной стороны, покровительство православному населению являлось элементом «мягкой силы», которая увеличивала влияние России, чего Порты не желала^[32]. С другой стороны, позиция Николая I отражала его личные

[28] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[32] Там же.

качества и субъективное восприятие данной ситуации как неразрешимого антагонизма. Как итог, любая уступка туркам рассматривалась Николаем I как слабость. Именно поэтому даже попытка урегулировать религиозный спор в Вене провалилась, поскольку Порта попыталась внести изменения в итоговый документ^[33]. В то же время Великобритания, на наш взгляд, использовала свой традиционный подход во внешней политике — не допускать появления в Европе мощной державы. В то же время Великобритания была готова сохранить отношения с Россией, если та отказалась бы от требований вмешиваться в любые религиозные дела Османской империи^[34].

Итак, с Российской перспективы мы можем сказать, что причины Крымской войны лежали весьма в амбивалентной плоскости объективных национальных интересов и субъективных представлений. Для России было важно обеспечить собственную безопасность в Черноморском регионе, что шло вразрез с интересами Британии, для которой подрыв влияния России был необходим. Борьба за влияние в Турции из-за Черноморских проливов практиковалась с применением дипломатии и демонстрации военной силы. Нельзя сбрасывать со счетов и борьбу России и Англии в Средней Азии. Субъективные представления Николая I и российской элиты о возможности разбить

политическую комбинацию Франции и Великобритании, о готовности последней поддерживать с нашей страной нормальные конструктивные отношения, о безграничной преданности Австрии и Пруссии российскому внешнеполитическому курсу косвенно привели к недооценке противника, к принятию ошибочных действий, которые постепенно толкали европейские державы в пучину большой войны.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОЗЗРЕНИЙ ВЕДУЩИХ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

Экономическое и политическое присутствие Великобритании на Ближнем Востоке было достаточно продолжительным. Первые контакты между английским правительством и Османской империей произошли в XVI веке, а в 1581 г. было заключено торговое соглашение, согласно которому для английских купцов были установлены таможенные пошлины в размере 3%^[35]. С 1592 г. за все торговые операции в восточном Средиземноморье отвечала специально созданная Левантская торговая компания^[36]. Объемы торговли были неравномерными: за вторую половину XVII века они выросли в три-четыре раза, но в начале XIX британ-

[33] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914) // М.: Издательство «Европа», 2006. – С. 187.

[34] Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek churches in Turkey. [Electronic Text] – London Harrison, 1854. – URL: <https://archive.org/details/correspondencere00lond/page/178/mode/2up>. [дата обращения 19.03.2022].

[35] Zeytinli E. The British Mercantile Interest in the Ottoman Trade Market: A Historical Analysis of the Levant Company / Zeytinli E. – Proceedings of the Symposium on Business and Economic History, 2015. – P. 4.

[36] Epstein M. The early history of the Levant Company / Epstein M. George. – Routledge & Sons Limited, 1981. – P. 26.

цы торговали менее активно, во-многом из-за последствий Наполеоновских войн и низкой эффективности Левантийской торговой компании, которая была распущена в 1825 году^[37]. Однако, в второй четверти XIX века торговля начала снова процветать, и Британия была заинтересована в создании наиболее благоприятного режима торговли в Турции, чего удалось достичь в 1838 году путем заключения Балта-Лиманского договора.^[38] Заключение этого договора юридически закрепляло британский интерес в турецком рынке, что предполагало и заинтересованность в сохранении целостности Османской империи.

Несмотря на устойчивый рост объемов торговли между Великобританией и Турцией в XIX веке, турецкий рынок не был ключевым. Основной взор британцев тогда был обращен на Индию, где свой контроль укрепляла Британская Ост-Индская компания. Однако связь между колонией и метрополией была очень уязвимой: идти в обход Африки было очень долго. Вторжение Наполеона в Египет в 1798 г. и активное взаимодействие французов с враждебными Ост-Индской компании индийскими государствами укрепило страхи британцев об уязвимости индийских владений, что подняло актуальность поиска более коротких путей^[39]. Такими были или тот же

Египет, или традиционный торговый путь через Сирию и Месопотамию. Чтобы обеспечить полный контроль над каким-либо путем, было необходимо взаимодействовать с Османской империей: в 1830-х гг. она непосредственно контролировала территорию Ирака, а Сирия и Египет находились во власти Мухаммеда-Али, формально турецкого вассала. Сюзерен и вассал, как уже было отмечено ранее, находились в сложных отношениях. Согласно положениям Кутахийского мира, Мухаммед-Али получил в наследственное владение Египет и пожизненное – Сирию, но на этом он не собирался останавливаться на достигнутом^[40]. Почему Великобритания не сделала ставку на Мухаммеда-Али, который мог обеспечить строгий контроль над обоими путями в Индию? Во-первых, египетский паша уже долгое время находился под французским влиянием. Французы поддерживали честолюбивые стремления Мухаммеда-Али, предоставляли инструкторов для обучения египетской армии^[41]. Возможности британского кабинета по оказанию влияния на египетского пашу были бы ограничены. Во-вторых, Мухаммед-Али изначально делал ставку на протекционистские меры как основу своей экономической политики^[42]. Высокие таможенные тарифы делали бы торговлю с Египтом невыгодной, в отличие от либерального

[37] Zeytinli E. The British Mercantile Interest in the Ottoman Trade Market: A Historical Analysis of the Levant Company / Zeytinli E. – Proceedings of the Symposium on Business and Economic History, 2015. – P. 14.

[38] Convention of Commerce and Navigation (The Convention of Balta Liman) signed in 1838 // Parliamentary Papers. – 1838. – PP. 289-295.

[39] Пирс Б. Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997 / пер. Жуковой М. В. – АСТ, 2010. – С. 21.

[40] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[41] Там же.

[42] Cleveland W.L. A History of the Modern Middle East / W.L. Cleveland. – Westview Press, 2009/ – P. 65-66.

торгового режима в Османской империи.

При этом, у британских политиков имелся другой объективный фактор оказать помощь Порте. После заключения Адрианопольского мира, значительное влияние на турецкую политику приобрела Российская империя — государство, которое рассматривалось в Великобритании как основная угроза её колониальной империи. Заключение Ункяр-Искелесийского договора между Российской и Османской империями 26 июня 1833 г. было воспринято британским правительством очень негативно. Требование о закрытии Проливов для прохода любых военных судов третьих стран как во время мира, так и во время войны^[43], которое содержалось в тайных статьях договора, теоретически обеспечивало свободный выход русского флота в Средиземноморье в случае войны с Британией, что делало её коммуникации очень уязвимыми. В течение последующих семи лет, британцы прилагали все возможные усилия, чтобы лишить Россию данного преимущества. В 1839 году, когда между Турцией и Египтом снова разразилась война, британцы оказали военную помощь новому молодому султану Абдул-Меджиду I, чем расположили к себе Порту^[44]. Великобритании удалось добиться успеха и на дипло-

матическом поприще. В 1840 году лорд Палмерстон, министр иностранных дел Великобритании, предложил заключить международное соглашение между великими державами, которое бы гарантировало безопасность Османской империи^[45]. Российская империя никак не могла пойти на такой шаг, поскольку это создавало бы условия для вмешательства во внутренние дела Турции других государств, что противоречило идее российской политики 1830-х годов^[46]. Поэтому граф Нессельроде выступил с предложением, что Россия готова специально поручиться за исполнение соглашения между Портой и Египтом, но при условии, что Франция и Англия откажутся от идеи общей гарантии целостности Оттоманской империи и провозгласят закрытие Дарданелл и Босфора для военных судов как во время мира, так и во время войны^[47]. 15 июля 1840 г. Российской империей, Великобританией, Австрией и Пруссией была заключена конвенция, которая закрепляла традиционное право Османской империи запрещать проход военных судов^[48]. Через год была заключена Лондонская конвенция, которая уточняла правила прохода кораблей через Проливы, и в ней проход военных судов запрещался только в мирное время^[49]. Таким образом, Британии удалось ликвидировать угрозу

[43] Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Т. Юзефович. — СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1869. — С. 89-92.

[44] Setton-Watson R.W. Britain in Europe. 1789-1914 / Setton-Watson R.W. - Cambridge University Press, 1945. — P. 216.

[45] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. В 15 т. Т. 12. / Ф.Ф. Мартенс. — СПб: типография Министерства путей сообщения, 1898. — С. 134.

[49] Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. В 15 т. Т. 12. / Ф.Ф. Мартенс. — СПб: типография Министерства путей сообщения, 1898. — С. 158.

средиземноморским коммуникациями со стороны Российской империи.

Помимо обеспечения благоприятного режима Проливов, в приверженности Великобритании сохранению целостности Порты имелись и другие мотивы. Во-многом, идею о том, что ставку стоит сделать именно на Турцию, защищал Генри Джон Темпл, 3-й виконт Палмерстон. К 1830 году, когда он был назначен на должность министра иностранных дел, он уже имел громадный политический опыт в качестве военного министра^[50]. Уже тогда он демонстрировал свои воззрения в отношении расширения России в сторону Турции: после окончания русско-турецкой войны 1828 – 1829 годов, он заявил, что Британии было необходимо вмешаться в конфликт, что могло помочь Турции одержать победу^[51]. В 1830-х гг. у Палмерстона укрепилось две идеи: что расширение России угрожает британским интересам, и что Турция способна реформироваться. В 1839 году, в разгар турецко-египетской войны, он заявил, что оспаривает утверждение о том, что в Порте наблюдаются какие-либо признаки упадка^[52]. В 1851 году Палмерстон ушел в отставку с должности министра иностранных дел после скандала, разразившегося вокруг переворота Луи-Наполеона во Франции, и, хотя он вернулся в британское правительство

уже в следующем году, в составе кабинета Абердина он получил должность министра внутренних дел^[53]. Хотя он не мог оказывать непосредственного влияния на внешнюю политику страны, он использовал свой громадный авторитет, чтобы провалить нужные решения.

Возможность для этого предоставляла сама композиция британского коалиционного правительства, сформированного с трудом после политического кризиса 1851 года. Правительство возглавил лорд Абердин, который был известен своей скромностью, доверчивостью и отсутствием воли^[54], и в тяжелые времена он не был в состоянии обеспечить единство кабинета. Раздор в британском правительстве проявился уже в самом начале дипломатического кризиса вокруг Порты. Абердин при поддержке нового министра иностранных дел Кларендона и военно-морского министра Грейама поддержали решение адмирала Дандаса, который отказался выдвигать британский флот с Мальты в поддержку французского флота, когда в Стамбул с специальной миссией прибыл князь Меншиков^[55]. Палмерстон и бывший министр иностранных дел Рассел, хотя и поддержали других членов кабинета, выступали за более активное противодействие российской политике. Раскол в взглядах отлично

[50] Жолудов М.В. Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона / М.В. Жолудов // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 100-107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-v-politicheskoy-deyatelnosti-lorda-palmerstona>

[51] Temple H.J. Opinions and Policy of the Right Honourable Viscount Palmerston, as Minister, Diplomatist, and Statesman, during More Than Forty Years of Public Life / Temple H. J. – Adamant Media Corporation, 2002. – P. 131

[52] Bulwer H.L. The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston. Vol. 2. / H.L. Bulwer – J.B. Lippincott, 1871. – PP. 261-262.

[53] Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. A study of political opinion in England before the Crimean War / Martin K. – Hutchinson & Co LTD, 1963. – P. 63.

[54] Ibid. – P. 77.

[55] Ibid. – P. 102.

демонстрирует компромиссная сущность принимаемых решений: Абердин выступил против предоставления лорду Стрэтфорд-Каннингу, послу Великобритании в Османской империи, права вызвать на помощь британский флот, но, когда русские войска вошли в княжества Молдавию и Валахию, британский флот немедленно выдвинулся к Дарданеллам, однако без официальных документов о предоставлении Порте гарантий^[56]. Великобритания тем временем все еще стремилась разрешить конфликт миром, на что указывает её участие в разработке Венской ноты, которая, по сути, сохраняла основные требования Российской империи, выдвинутые князем Меншиковым^[57]. Отказ Порты принимать ноту без поправок, казалось, делал мир невозможным. Объявление Турцией войны и начало боевых действий только сильнее ограничивали способность Абердина лавировать между сторонниками мира и войны. Наконец, разгром 30 ноября 1853 года турецкого флота под Синопом и демарш Палмерстона, который в декабре того же года ушел в отставку, но скоро вернулся, вынудил британское правительство занять четкую позицию в отношении Российской империи и пойти на союз с Наполеоном III^[58].

Шансы на мирное урегулирование снижало также полное непонимание

британскими политиками намерений Николая I. В 1844 г. российский император нанес визит в Великобританию. Поездка императора происходила на фоне обострения англо-французского противостояния, которое он хотел использовать в свою пользу. В результате переговоров между Николаем I, Нессельроде и послом Российской империи в Лондоне бароном Брунновым с одной стороны, и ведущими британскими политиками, включая лорда Абердина, с другой, Россия и Британия пришли к следующим выводам в отношении Османской империи: стороны стремились обеспечить существование Порты до тех пор, пока это будет возможно; в случае распада, стороны согласуют новый порядок на ее территориях, который не будет угрожать их интересам^[59]. Николай I считал свою задачу по привлечению Великобритании на свою сторону выполненной, хотя ни один из принятых по итогам переговоров документов не имел обязательного характера и не мог гарантировать России британскую поддержку^[60]. Даже принимая во внимание, что лорд Абердин был убежден, что Николай I не преследует цели уничтожить Османскую империю, и в 1852 г. он заявил Брюннову, что не симпатизирует Наполеону III и его действиям в отношении религиоз-

[56] Ibid. – P. 105

[57] Schmit B.E. The diplomatic preliminaries of the Crimean War / B.E. Schmit // The American Historical Review. – 1919. – Vol. 25, No. 1. – P. 42.

[58] Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. A study of political opinion in England before the Crimean War / Martin K. – Hutchinson & Co LTD, 1963. – P. 161.

[59] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[60] Puryear V.J. New Light on the Origins of the Crimean War / V.J. Puryear // The Journal of Modern History. – 1931. – Vol. 3, No. 2. – P. 225.

ного спора^[61], обсуждаемые вопросы вызывали опасение у британских политиков о целях Российской империи. На момент начала 1853 года, в британском кабинете не были уверены, желает ли Россия распада Порты. Ситуация изменилась в феврале, когда Николай I провел беседу с Джорджем Хэмилтоном Сеймуром, послом Великобритании в Петербурге, в ходе которой император представил свое видение относительно раздела Турции: Великобритания должна была получить Крит и Египет, а Россия получить доминирующую роль на Балканах. Это предложение привело к изменению восприятия намерений Николая I. Если в январе 1853 г. Джон Рассел полагал, что Османская империя находится в опасном положении, и основную опасность представляют её же действия, то уже в марте он писал Кларендону, что «император России явно настроен на уничтожение Турции, и ему необходимо дать отпор»^[62]. После этого лорду Абердину было все тяжелее убедить членов кабинета в отсутствии амбиций у российского императора, что внесло вклад в решимость Британии защитить Османскую империю, когда разразились боевые действия^[63].

Подводя итог, Великобритания имела объективные интересы на Ближнем Востоке и в защите Османской империи. Торговому присутствию Британии в регионе насчитывалось несколько веков, а в XIX веке оно приобрело особое значение в связи с необходимостью укрепить связь с ключевой колонией —

Индией. Колониальное противостояние с Российской империей также требовало усиления позиций, в связи с чем британцы оказывали активную поддержку Османской империи. Однако стратегически значимыми назвать эти интересы очень сложно. Восприятие их как таковыми внутри британской политической системы, прежде всего, обусловлено субъективной мотивацией лорда Палмерстона, который использовал свое политическое влияние, чтобы продвигать идею сохранности целостности Порты и защиты против русской экспансии. На его способность отстаивать свои взгляды повлияли и разногласия между министрами в кабинете лорда Абердина. Решение о вступлении в войну на стороне Османской империи также можно объяснить непониманием целей Российской империи в отношении Турции, поскольку переговоры Николая I с Британией в 1844 и 1853 гг. укрепили страх того, что он намерен уничтожить Османскую империю, тем самым поставив под угрозу британские интересы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ответ на исследовательский вопрос был достигнут благодаря использованию эффективного теоретического инструментария и методов. Авторы пришли к выводу, что в основе противостояния Российской империи и Великобритании в Крымской

[61] Ibid. – P. 229.

[62] Maxwell H. The life and letters of George William Frederick, fourth earl of Clarendon, K.G., G.C.B. / Maxwell H. – University of California Libraries, 1913. – P. 39.

[63] Schmit B.E. The diplomatic preliminaries of the Crimean War / B.E. Schmit // The American Historical Review. – 1919. – Vol. 25, No. 1. – P. 59.

войне находились субъективные восприятия собственных национальных целей. Важно отметить, что Россия и Британия не находились в состоянии строгого, неразрешимого антагонизма, хотя спорная ситуация затрагивала их национальные интересы. Однако именно то, как Николай I и лорд Палмерстон воспринимали степень важности защищаемых интересов, привело к тому, что противоречия между сторонами не удалось разрешить мирным путем. Поведение ответственных лиц диктовалось их личными представлениями, информацией, получаемой от других ответственных лиц и чиновников, а также общественным мнением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914) // М.: Издательство «Европа», 2006. – 672 с.
2. Васильев Д.В., Васильев С.Д. Британо-российское противостояние на Среднем Востоке как реакция на попытку геостратегического укрепления России в регионе в 1830-х гг. / Д.В. Васильев, С.В. Васильев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – №3. – С. 146-151.
3. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс // М.: Мысль, 2001. – 478 с.
4. Душенко К.В. Государство – это я / К. В. Душенко // Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов: Сб. статей. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. – С. 135 – 139.
5. Жолудов М.В. Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона / М.В. Жолудов // Вестник Нижневартонского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 100-107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-v-politicheskoy-deyatelnosti-lorda-palmerstona>
6. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 / А.М. Зайончковский. – Адъютант!, 2002. – URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>
7. Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» // Н.И. Кареев. – Санкт-Петербург : типография М. М. Стасюлевича, 1908. – 460 с.
8. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 896 с.

9. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. В 15 т. Т. 12. / Ф.Ф. Мартенс. – СПб: типография Министерства путей сообщения, 1898. – 504 с.

10. Медведева О.Э. Причины создания антироссийской коалиции в Крымской войне (1853 - 1856 гг.) в современной историографии // Вестник науки и образования. – 2017. – №12 (36). – С. 35-37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-sozdaniya-antirossiyskoy-koalitsii-v-krymskoy-voyne-1853-1856-gg-v-sovremennoy-istoriografii> (дата обращения: 20.03.2022).

11. Пирс Б. Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997 / пер. Жуковой М. В. – М.: АСТ, 2010. – 280 с.

12. Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра. 1832—1838 гг. / Пер. с фр. Институт народов Азии АН СССР. — М.: Наука, 1967. — 176 с.

13. Тарле Е.В. Крымская война / Е. В. Тарле. – Акад. наук СССР. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Ленинград М., 1950. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>

14. Чихарев И.А., Косоруков А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса / И.А. Чихарев, А. А. Косоруков // Вестник Московского университета. Политические науки. – 2010. – №1. – С. 50-65.

15. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Т. Юзефович. – СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1869. – 326 с.

16. Allison G.T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. – Little, Brown and Company, Boston, 1971. – 277 p.

17. Bougher L.D. Cognitive coherence in politics: unifying metaphor and narrative in civic cognition / L.D. Bougher // *Warring with Words: Narrative and Metaphor in Politics*. – Psychology Press, 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/244520319_Cognitive_coherence_in_politics_Unifying_metaphor_and_narrative_in_civic_cognition

18. Bulwer H.L. *The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston* / H.L. Bulwer – J.B. Lippincott, 1871. – 397 p.

19. Cleveland W.L. *A History of the Modern Middle East* / W.L. Cleveland. – Westview Press, 2009 – 626 p.

20. Convention of Commerce and Navigation (The Convention of Balta Liman) signed in 1838 // Parliamentary Papers. – 1838. – PP. 289-295.
21. Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek churches in Turkey. [Electronic Text] – London Harrison, 1854. – URL: <https://archive.org/details/correspondencere00lond/page/178/mode/2up>.
22. Epstein M. The early history of the Levant Company / Epstein M. George. – Routledge & Sons Limited, 1981. – 270 p.
23. Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. A study of political opinion in England before the Crimean War / Martin K. – Hutchinson & Co LTD, 1963. – 259 p.
24. Maxwell H. The life and letters of George William Frederick, fourth earl of Clarendon, K.G., G.C.B. / Maxwell H. – University of California Libraries, 1913. – 400 p.
25. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. – Peking University Press, 2005.
26. Puryear V.J. New Light on the Origins of the Crimean War / V.J. Puryear // The Journal of Modern History. – 1931. – Vol. 3, No. 2. – P. 219-234.
27. Schmit B.E. The diplomatic preliminaries of the Crimean War / B.E. Schmit // The American Historical Review. – 1919. – Vol. 25, No. 1. – P. 36-67.
28. Setton-Watson R.W. Britain in Europe. 1789-1914 / Setton-Watson R.W. – Cambridge University Press, 1945. – 716 p.
29. Temple H.J. Opinions and Policy of the Right Honourable Viscount Palmerston, as Minister, Diplomatist, and Statesman, during More Than Forty Years of Public Life / Temple H. J. – Adamant Media Corporation, 2002. – 543 p.
30. Welch D.A. Justice and the Genesis of War / Welch D.A. – Cambridge University Press, 1993. – 356 p.
31. Zeytinli E. The British Mercantile Interest in the Ottoman Trade Market: A Historical Analysis of the Levant Company / Zeytinli E. – Proceedings of the Symposium on Business and Economic History, 2015. – 18 p.

REFERENCES

1. Airapetov O.R. Vneshnyaya politika Rossiyskoi imperii (1801-1914) [Foreign policy of the Russian Empire (1801-1914)]. – M.: Izdatelstvo «Evropa» [Publisher «Europe»], 2006. – 672 p.
2. Allison Graham T. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. – Little, Brown and Company, Boston., 1971 – 277 p.
3. Bougher L.D. Cognitive coherence in politics: unifying metaphor and narrative in civic cognition / L.D. Bougher // Warring with Words: Narrative and Metaphor in Politics. – Psychology Press, 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/244520319_Cognitive_coherence_in_politics_Unifying_metaphor_and_narrative_in_civic_cognition
4. Bulwer H.L. The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston / H.L. Bulwer – J.B. Lippincott, 1871. – 397 p.
5. Chikharev I.A., Kosorukov A.A. Neoklassicheskiy relizm: k probleme sootnosheniya peremennikh globalnogo i natsionalno-gosudarstvennogo urovnya formirovaniya vneshnepoliticheskogo kursa [Neoclassical Realism: Towards a Relationship between Global and Nation-State Variables in Foreign Policy Making] / I.A. Chikharev, A.A. Kosorukov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Politicheskiye nauki. M.: [Bulletin of the Moscow University. Political Science. Moscow]. – 2010. – №1. – PP. 50-65.
6. Cleveland W.L. A History of the Modern Middle East / Cleveland W. L. – Westview Press, 2009 – 626 p.
7. Convention of Commerce and Navigation (The Convention of Balta Liman) signed in 1838 // Parliamentary Papers. – 1838. – PP. 289-295.
8. Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek churches in Turkey. [Electronic Text] – London Harrison, 1854. – URL: <https://archive.org/details/correspondencere00lond/page/178/mode/2up>
9. Dushenko K.V. Gosudarstvo – eto ya [I am the State] / K. V. Dushenko // Citata v prostranstve kul'tury: Iz istorii citat i krylatykh slov. Sb. statej. [A Quote in Cultural Space: From the History of Quotes and Idioms]. – M.: Institut nauchnoy informacii po obshchestvennym naukam RAN, 2019. – P. 135 -139.

10. Epstein M. The early history of the Levant Company / Epstein M. – George Routledge & Sons Limited, 1981. – 270 p.

11. Kareev N.I. Zapadnoevropejskaya absolyutnaya monarhiya XVI, XVII i XVIII vekov: obshchaya harakteristika byurokraticheskogo gosudarstva i soslovnogo obshchestva «starogo poryadka» [Western European Absolute Monarchy in 16-18th Centuries: a General Characteristic of a Bureaucratic State and the "ld Regime" Estate Society]/ N.I. Kareev. – Sankt-Peterburg : tipografiya M. M. Stasyulevicha. 1908. – 460 p.

12. Kissinger G. Diplomacia [Diplomacy] / G. Kissinger – M., Izdatelstvo AST [AST Publishing Agency], 2018. – 896 p.

13. Leviathan Hobbes T. / T. Hobbes. – M.: Mysl [Thought], 2001. – 478 p.

14. Martens F.F. Sobranie traktatov i konvencij, zaklyuchennyh Rossiej i inostrannyimi derzhavami. V 15 t. T. 12. [The Code of Treaties and Conventions Between Russia and Foreign Powers. 15 Vol-s. Vol №12.] / F.F. Martens. – SPb: tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya [The Ministry of Transport Typography], 1898. – T. 12. – 504 c.

15. Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. A study of political opinion in England before the Crimean War / Martin K. – Hutchinson & Co LTD, 1963. – 259 p.

16. Maxwell H. The life and letters of George William Frederick, fourth earl of Clarendon, K.G., G.C.B. / Maxwell H. – University of California Libraries, 1913. – 400 p.

17. Medvedeva O. E. Prichiny sozdanya antirossiyskoy koalitsii v Krymskoy voyne (1853-1856 gg.) v sovremennoy istoriographii [Reasons for the Creation of the Anti-Russian Coalition in the Crimean War (1853 - 1856) in Modern Historiography] / O.E. Medvedeva // Vestnik nauki i obrazovaniya [Bulletin of Science and Education]. – 2017. – №12(36). – PP. 35-37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-sozdaniya-antirossiyskoy-koalitsii-v-krymskoy-voyne-1853-1856-gg-v-sovremennoy-istoriografii> (date of reference: 20.03.2022)

18. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. – Peking University Press, 2005.

19. Pearce B. Upadok i razrushenie Britanskoi imperii 1781-1997 [The Decline and Destruction of the British Empire 1781-1997] / per. Zhukovoy M. – AST [Translated by Zhukova M.V., AST publishing agency], 2010. – 280 p.

20. Puryear V.J. New Light on the Origins of the Crimean War / V.J. Puryear // The Journal of Modern History. – 1931. – Vol. 3, No. 2. – P. 219-234.
21. Schmit B.E. The diplomatic preliminaries of the Crimean War / B.E. Schmit // The American Historical Review. – 1919. – Vol. 25, No. 1. – P. 36-67.
22. Setton-Watson R.W. Britain in Europe. 1789-1914 / Setton-Watson R.W. – Cambridge University Press, 1945. – 716 p.
23. Simonich I.O. Vospominaniya polnomochnogo ministra. 1832 - 1838 gg. [Memoirs of a Minister Plenipotentiary. 1832-1838.] / I.O. Simonich // Per. s fr. Institut narodov Asii AN SSSR. [Translated from French by the Institute of the Peoples of Asia, USSR Academy of Sciences]. – M.: Nauka [Science], 1967. – 176 p.
24. Tarle E.V. Krymskaya vojna [The Crimean War] / E.V. Tarle. – The Academy of Sciences of the USSR. – 2-e isd., ispr. i dop. [2nd ed. amended and supplemented]. – M.; Leningrad M, 1950. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>
25. Temple H.J. Opinions and Policy of the Right Honourable Viscount Palmerston, as Minister, Diplomatist, and Statesman, during More Than Forty Years of Public Life / Temple H. J. – Adamant Media Corporation, 2002. – 543 p.
26. Vasiliev D.V., Vasiliev S.D. Britano-rossiyskoe protivostoyanie na Srednem Vostoke kak reaktsiya na popytku geostrategicheskogo ukrepleniya Rossii v regione v 1830-ikh gg. [The British-Russian Confrontation in the Middle East as a Reaction to Russia's Attempted Geostrategic Consolidation in the Region in the 1830s.] / D.V. Vasiliev, S.V. Vasiliev // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [The Proceedings of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Science]. – 2017. – №3. – pp. 146-151.
27. Welch D.A. Justice and the Genesis of War / D.A. Welch – Cambridge University Press, 1993. – 356 p.
28. Yuzefovich T. Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye [Political and Commercial Treaties between Russia and Eastern States] / T. Yuzefovich. – SPb.: Tip. O.I. Baksta, 1869. – 326 p.
29. Zayonchkovsky A.M. Vostochnaya vojna 1853-1856 [The Eastern War 1853-1856] / A.M. Zayonchkovsky. – Adyutant!, 2002. – URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>

30. Zeytinli E. The British Mercantile Interest in the Ottoman Trade Market: A Historical Analysis of the Levant Company / Zeytinli E. // Proceedings of the Symposium on Business and Economic History, 2015. – 18 p.

31. Zholudov M.V. Rusophobia v politicheskoy deyatel'nosti lorda Palmerstona [Russophobia in Lord Palmerston's political activities] / M.V. Zholudov // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]. – 2017. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-v-politicheskoy-deyatelnosti-lorda-palmerstona>